

29 сентября 1994 года, 7-я стр. «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА».

90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. ОСТРОВСКОГО

Обрученный с идеей

Что говорит имя Павки Корчагина ребятам постперестроечных 90-х? Кто из них читал роман «Как закалялась сталь» Николая Островского? Помнит ли кто слова «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно...» и далее по тексту? Наверное, кто-то что-то слышал краем уха или запомнил актера Владимира Конкина в роли Павки. А в целом и роман, и трагическая биография Николая Островского остались где-то там, в обязательном списке литературы для десятого класса средней школы, и уж на судьбу этого поколения никак-ко-го влияния не оказывают.

Что тут поделаешь — другие миры, другие идеи, другая жизнь. И все же как-то не по себе от того, что мальчишки наши любят сильных и волевых героев-суперменов за океанского происхождения и слыхом не слыживали, что был такой красный боец на фронтах гражданской войны Николай Островский, что верил в мировую революцию, что здоровье там оставил, что с юных лет прикован был к постели. А в двадцать семь, слепой и парализованный, решил написать книгу, какой никогда не было и уже не будет в русской литературе. Это сейчас никого не заставишь ее читать, а в 30-40-х она была знаменем молодежи.

А может, историю-то нашу забывать не следует? И о страшной судьбе этого удивительного человека надо вспоминать хотя бы в юбилейные дни. Как трагическое свидетельство кровавой и страшной отметины в жизни России под названием «Революция и гражданская война». Пришло время не так уж прямолинейно навязывалось и вдальблывалось в умы подрастающего поколения страны Советов. Потому что сам Николай Островский был человеком далеко не однозначным.

Стоит почитать его письма, только в 1990 году вышедшие в полном объеме. Последнее собрание сочинений в трех томах включает многое, что никогда не издавалось, попросту замалчивалось, дабы не исказить образ правого коммуниста. В письме 1922 года к дочери лечащего врача в Бердянске Люсе Беренфус (прототип Тони Тумановой) есть такие строки: «Порыв желаний жить бросил меня в армию в 1920 году, но я быстро понял, что душить кого-то — не значит защищать свободу...». И конечно же, нужно иногда перечитывать замечательный и в чем-

даже не могу... Лежу день и ночь в постели... молча переношу боли... Я растерял всех друзей... Впереди месяцы, похожие один на другой, однообразные, серые».

И все же, где искать связь между шепетовским сорванцом, бросившим школу, и писателем, первой же книгой покориившей всех. Что было такого особенного в этом типичном комсомольце, прошедшем путь от кочегара до «райкомщика», чтобы стать в известном смысле гением? И. Аннинский в предисловии к трехтомнику пишет, что в нем «...была заложена жажда последней истины, жажда абсолютной стальной ясности от начала до конца... Жил, носился, дрался, а там, в сверхсознании, — словно тайну разгадывал. И потом после вихря, после рубания саблей, после ураганных переездов, после девятилетнего романтического сна наяву — сразу темнота и молчание. Болезнь». Бессонными от боли ночами, в мертвой тишине, он мысленно еще и еще раз проживал свою короткую жизнь. В возбужденном сознании эпизод за эпизодом он «редактировал» ее, озаренную идеей коммунизма. И диктовал безостановочно.

Когда-то английские журналисты держали пари, что Островский придуман советскими идеологами в пропагандистских целях, а книга написана бригадой опытных писателей. И эту чушь с радостью подхватили наши рьяные журналисты-ниспровергатели — гласность ведь...

А это ничего общего не имеет с тем, что было на самом деле. В последней квартире Островского, которую с большим трудом выбили для него друзья за год до смерти, был создан мемориальный музей. Теперь он называется Государственный музей — гуманитарный центр «Преодоление». Вот там-то можно своими глазами увидеть документы, фотографии, рукописи, трафареты, которые наглядно, без всяких интерпретаций расскажут о человеческом подвиге Николая Островского.

Еще такой факт. Написав «Как закалялась сталь», получив признание как писатель, высоко оцененный профессионалами и читателями, смертельно больной человек, он, трезво оценивая свои возможности, берет за новый роман. Нет, «Рожденные бурей» он дописать уже не успел. Но страшно подумать, что было бы с Островским, не умри он в 1936 году, не прикрой, по словам Аннинского,

то даже новаторский роман «Как закалялась сталь» под другим углом зрения — не романтико-героическим, а историческим. Чтобы в какой-то степени понять психологию и мотивы людей того поколения. Которое в надежде на светлое будущее, с изуродованным ложными идеями сознанием топило Россию в крови, распинало ее и насиловало.

Островский — писатель особый. Стал он им в силу жизненных обстоятельств, выбросивших двадцатилетнего юношу из действительности на больничную койку, поставивших перед вопросом: «Что делать дальше?» Кроме невыносимых страданий, мучила бездеятельность и одиночество, тяготило отсутствие образования. И пришло как озарение — литература! Вот что может дать силы жить! О его состоянии в то время можно судить по строчкам из письма М. Родкиной: «Ходить я теперь и на костылях

его судьба болезнью и славой». Не надо повторять еще раз, как расправилась эпоха с его соратниками, комсомольскими вожаками 20-30-х, — все подряд пошло под расстрел. Лукьянов, Файнберг, Лисицын, Косарев и множество других имен. Сохранились телефонные книжки, где органы вымарывали фамилии друзей Островского, в числе которых были Михаил Кольцов и Всеволод Мейерхольд (его постановка романа «Как закалялась сталь» так и не увидела свет).

Многим и сейчас нужен Павка Корчагин — как символ преодоления, мучительной борьбы с недугами. Сколько их, инвалидов Афганистана и других войн, страдают и в наши дни, мучаясь, не находя своего места в жизни.

Последними словами Николая Островского были: «Смерть не страшна мне!».

Ирина ШВЕДОВА.